

ОТЕЦ СМОТРИТ НА ЗАПАД

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

ЕНАТЕРИНА МАНОЙЛО
Родилась в Орсне. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Лауреат премии «Лицей» (2022).

Марина гнала Милку и Краснуху в стадо. После гулянки у Аманбеке она проснулась с тяжелой головой и в дурном настроении, поэтому Милкиному теленку, который норовил идти своей дорогой, то и дело доставалось от нее большой палкой по хребту. Возле детской площадки он все-таки отстал от матери.

– Да что же ты за козлина такая! А ну иди сюда! – крикнула Марина и, подскочив к теленку, огрела его по гулкому боку.

Тот лишь глубже закопался мордой во что-то белое. Запыхавшись, Марина наклонилась над пакетом, над которым теленок равномерно работал челюстями. Внутри лежали нетронутые куски мяса и белые комки – остатки сухого творога. Неподалеку грудилось что-то большое. Увидела знакомую полосатую рубашку, собравшуюся на спине горбом. Чуть сдвинула со лба платок, который повязывала во время утренней дойки и снимала только после вечерней, и потерла пальцем разболевший висок.

– Эй, ты живой? – громко спросила Марина, решив, что это какой-то загулявший гость со вчерашней свадьбы.

Она сделала несколько шагов в сторону лежавшего и вздрогнула. Это был Серикбай. За ночь он стал похож на вырезанную из дерева куклу. Не решившись подойти, Марина потыкала в него палкой: деревянный Серикбай не шевельнулся. Огляделась

и, легонько постучав по бокам теленка, погнала его к Милке и Краснухе. Как назло, дорогой ей не встретился никто из молодых, кто мог бы быстро донести до Аманбеке печальные новости. Отогнав коров в стадо, она снова прошла через детскую площадку и, убедившись, что Серик на месте, свернула к дому Аманбеке.

Аманбеке сидела за сепаратором и смотрела в одну точку. Вид у нее был такой, будто она уже знает о смерти брата и скорбит по нему.

– Серикбай... он... – начала Марина, но тут же замолкла, пытаясь отдышаться.

– Его нет здесь, – отчеканила Аманбеке, не поднимая глаз на гостью.

– Я знаю, он недалеко от детской площадки лежит. Мертвый.

Аманбеке нахмурила брови и посмотрела в глаза Марине.

– Ты так пошутить решила с утра?

Марина ничего не ответила, только помотала головой. Аманбеке неожиданно резко поднялась с места, чуть не опрокинув сепаратор, и скрылась в доме. Через минуту оттуда выскочил Тулин и, не поздоровавшись, рванул за ворота.

Марина заглянула в бидон под сепаратором и вскинула брови. Все соседи удивлялись, что из молока полудохлой коровы у Аманбеке получают такие густые сливки. По краю бидона разгуливали,

словно тоже прицениваясь, уже подмочившая лапки в молоке жирная муха. Марина огляделась, не смотрит ли кто за ней, шелбаном отправила насекомое в белый мушиный рай и, потянув дверь, вошла в дом.

Айнагуль сидела рядом с ребенком и, держа на коленях кастрюлю, взбивала масло. Аманбеке нарезала круги вокруг невестки. Завидев Марину, она схватилась за сердце и плюхнулась в подушки на пол.

– Нет, ну как он мог! Именно сейчас!
– Наверное, он не специально, – ласково произнесла Марина.

Аманбеке смерила ее презрительным взглядом.

– А ты и рада! Прилетела, как стервятник. Ждешь, когда и меня головой на запад уложат?

– Ойбай, совсем понесло! – вскинула руки Марина и уронила их обратно на живот. – Если бы я была такой плохой, как ты говоришь, наверное, вчера бы потребовала, чтобы ты долг вернула.

– Да вернем мы тебе твои деньги, не переживай, – отрезала Аманбеке. – Благо место на кладбище куплено, да и склеп построен.

– Когда успели? – удивилась Марина.

Она считала, что в поселке только богатые зараннее скупают места на кладбище, а уж склепы возводят и подавно после похорон.

– Так он Маратика все мечтал выкопать с русского кладбища и захоронить на правильном мусульманском. Потому и место купил заранее для двоих. А склеп... Да у Тулина кирпича на мясокомбинате завались. Старый хозблок недавно снесли.

– Так это и дом можно построить с кирпича?

– Ох ты и прошаренная, Маринка! Всюду свою выгоду ищешь, – впервые со вчерашнего дня улыбнулась Аманбеке. – Это же с бойни кирпич, оно тебе надо, жить с такой аурой?

– Ну, братца твоего это не смутило, – сказала Марина и тут же пожалела, подумав, что Серикбая, который похоронил наследника, меньше всего волновала аура скотозабойника.

– Да и ты сравнила, склеп и дом. Под твои запросы целый мясокомбинат разобрать пришлось бы по кирпичику.

Женщины заулыбались, и на миг показалось, что ничего страшного не произошло.

Айнагуль сумрачно сдвинула брови, замерла над кастрюлей с желтоватой массой: значит, симпатичный горбоносый дядька, который еще вчера снимал с нее ритуальный белый платок, теперь мертв. Розовошекий Асхатик перевернулся, сел в подушках, скуксился и захныкал. Будто чужой рукой Айнагуль намазала хлеб то ли еще сметаной, то ли маслом,

сверху густо посыпала сахаром и дала сыну. Асхатик моментально измазался. Аманбеке и Марина снова заулыбались, на этот раз малышу.

– Какой красивый сынок у тебя, Айнагуль! – сказала Марина и по пути к двери вежливо добавила: – В родителей пошел. Ладно, забегайте, если что. Буду дома.

Айнагуль поймала взгляд Марины в засиженном мухами зеркале и благодарно кивнула. Затем всмотрелась в свое отражение. Ей казалось, что за эту ночь, когда умер Серикбай, а она сама стала женой Тулина, что-то должно было измениться в ее лице. Но ни морщин, ни седых волос не появилось. Белое лицо, как и раньше, светилось здоровьем.

Вдруг навалились тягостные воспоминания прошлой ночи. Вот она полощет в тазу гору жирной скользкой посуды, которая все равно остается соляной и липнет к рукам.

Вот Тулин впивается ей в шею долгим поцелуем, как вампир. И вот он уже сверху, тяжелый, сопящий. В нос забивается запах волосатых подмышек. Когда все закончилось, Айнагуль тоже почувствовала себя грязной посудинкой. Теперь ей тоже не отмыться. Может быть, это даже свойство вещей и людей этого дома. Но Айнагуль не собиралась сдаваться, она перелезла через тушу законного теперь мужа, который всхрапывал и присвистывал, будто громадный толстый младенец, и пошла мыться сама и заканчивать с посудой.

Айнагуль вытерла Асхатику мордочку и ручки, прижала к себе притихшего малыша и запела песенку из своего детства:

*Мой аул уехал вдаль –
Узела судьба лихая наш народ
От родных степей...
На душе моей печаль:
От родителей уже который год –
Никаких вестей...*

Заснувшего сына Айнагуль уложила на корпе и сама прилегла рядом, подстраиваясь под его дыхание. Очнувшись от криков Аманбеке, тихонько, стараясь не задеть сына, встала и подошла к окну.

Тулин ловил неуклюжими лапами виляющую струю из чайника. Аманбеке поливала ему, иногда сплевывая себе на ноги.

– Да я откуда знаю причины? – огрызнулся Тулин. – Лежал мертвый. Без признаков жизни, так, кажется, доктор из труповозки диктовал студентке. Видела бы ты лицо этого ботана, зеленое, как у трупа.

Тулин хихикнул.

- И что, они его не забрали? – Аманбеке про студента было совсем неинтересно.
 - Не забрали, справку только дали о смерти и сказали везти на вскрытие и потом уже в морг, пичкать формалином, вазелином или чем там фаршируют трупиков?
 - Ойбай! – содрогнулась Аманбеке. – Еще чего не хватало!
 - Я то же самое, мать, сказал. – Тулин потряс руками, разбрызгивая капли. – Поэтому мы его с Булатом в квартиру увезли, он сейчас поехал за гассолом, чтобы труп обмыть, а я тебе вот рассказать.
 - А как они в квартиру попадут?
 - А я им ключи оставил.
 - Ойбай! – Аманбеке криво поставила чайник на чурбачок и встала руки в боки.
 - А ты думаешь, кто-то украдет его тело?
 - Тело нет, а вот заначку его вполне, – отрезала Аманбеке.
 - Ладно, я поем и сам поеду.
 - Потом поешь.
 - Да шаз, я с утра голодный. Жрать охота.
 - А мясо ты притащишь с работы на похороны? – спросила Аманбеке чуть потише, и Айнагуль почти высунулась из распахнутой створки, чтобы подслушивать дальше.
 - Да я на свадьбу сколько натаскал, на меня уже косятся. Свою резать будем.
 - Как свою?! – Аманбеке схватилась за сердце, и на ее лице проступил ужас, которого Айнагуль не заметила утром, когда пришла Марина с плохими новостями.
 - Сходи к соседям за подмогой. Я поем быстро, а как Буренка вернется с пастбища, разделю ее. Двух мужиков мне хватит.
- Аманбеке промокнула платком повлажневшие глаза и исчезла за воротами.
- Айнагуль на цыпочках отошла от окна, взглянула на спящего Асхатика, позавидовав его крепкому сну, и прошла на кухню ровно в тот момент, когда туда шумно ввалился Тулин. Увидев жену, он хищно улыбнулся, вывалив язык с отпечатками зубов. Край его был похож на шапку патиссона. Айнагуль бросилась кормить мужа вчерашними мясными остатками.
- Ел он молча и жадно. Как пес. Словно в любой момент тарелку могли отобрать. Закончив, ковырнул ногтем между зубами и, облизав пальцы, смачно ргнул.
- Что стоишь над душой? – зыркнул он на Айнагуль. – Посидела бы, поговорила с мужем.
- Айнагуль отступила в дальний угол кухни, где на стене темнело жирное пятно, натертое Тулином.

- Асхатик может проснуться, я слежу, – пробормотала она.
 - Хороши, конечно, твои родители, ничего не скажешь. – Тулин подпер кулаком массивную челюсть. – Но ничего, у тебя теперь муж есть. Уж кто-кто, а я решу вопрос. Дядя, видишь, какой подарок сделал нам на свадьбу? Самый лучший!
 - Какой? – Айнагуль нахмурилась, вспоминая, как Булат записывал подарки в тетрадку.
 - Да то, что помер! – усмехнулся муж. – Вот бы и твои родители последовали его примеру.
- Айнагуль прикрыла рот рукой, запечатывая слова ужаса и гнева.
- Да шучу я, чего ты изображаешь тут из себя? Не нужны нам подачки. Корову повалим, дядьку похороним да поедем на квартиру, там деньги в каждую щель затолканы. Хоть подтирайся!
 - Может, тогда и не надо резать Буренку?
 - Надо. Пока негде мяса взять. А как заживем, так и получше этой дохлятины купим. Да и зачем нам в квартире корова? Где ее там держать, в туалете, что ль? А мясо я и с работы таскать могу. Молоко на рынке будем покупать.
- Тулин задумался, полуприкрыв глаза: видимо, мысленно он уже разгуливал по рынку с пачкой дядиных денег в кармане.
- Самое лучшее, – хвастливо добавил Тулин, подтвердив догадки жены.
- Затем он медленно встал и грузной горой пошел на Айнагуль. Она часто заморгала, но с места не сдвинулась. Ей показалось, что он снова вцепится в ее шею. Удивилась, что ничего не чувствует. «Никакой он мне не муж, чужой человек».
- Как раз в этот момент открылись ворота и показалась Буренка. Острый хребет и брюхо, как пегий барабан. За ней трусил теленок, вполне справный и упитанный, в папу быка. Затем во двор, вытирая концом платка глаза, вошла Аманбеке в компании незнакомых мужиков.
- Мужики остались топтаться под окнами. Аманбеке тяжело прошагала в кухню.
- Ну что, женщины, кто из вас поможет мне резать Буренку? – бодро спросил Тулин.
 - Внук скоро проснется, – спешно ответила заплаканная Аманбеке.
 - А я не умею, крови боюсь, – умоляюще произнесла Айнагуль.
- Тулин схватил грубой рукой жену за плечо и поволол в заднюю часть двора.
- Буренка как будто чувствовала неладное и стояла истуканом. Телок потянулся было к вымени, но корова коротко лягнула его и снова застыла.

Айнагуль поежилась. Ее родители не держали скотину, но у них была отапливаемая и хорошо освещенная сарайка, впрочем, так ее называла только бабушка. Это был склад, где Айнагуль могла разглядывать кукол, которые еще не поступили в продажу, а иногда даже играть с ними. Коровник в доме Аманбеке, покосившийся от старости, вызывал отвращение и страх.

Тулин и двое помощников, которых привела Аманбеке, стреножили корову и рывком повалили на землю. Раздался страшный глухой звук. Буренка по-прежнему не шевелилась, будто загнипнотизированная. В еще живых, но уже будто мертвых коровьих глазах Айнагуль увидела свое отражение. Она вдруг почувствовала себя такой же коровой, свидетелем собственной медленной казни.

Тулин всем телом навалился на костлявую тушу Буренки. «Совсем как на меня прошлой ночью», – подумала Айнагуль.

Напарники, один с ножом, другой с оцинкованным ведром, одобрительно ему кивнули. Когда он оскалил шербатый рот и что есть силы потянул Буренку за рога, Айнагуль зажмурилась. Услышала, как кровь зазвенела в ведре, и потеряла сознание.

Дастархан после похорон Серикбая ломился от угощений ничуть не меньше, чем на свадьбе Тулина. Аманбеке следила, кто из гостей льет слезы, а кто для вида расчесывает глаза. Последних она обдавала презрительной усмешкой, втайне надеясь, что гости сочтут это за оскорбление и уйдут. Но все списывали угрюмые взгляды хозяйки дома на некупившуюся свадьбу, никто не уходил без положенного обеда и трех пиалушек чая. Куырдак с картофелем, залитым сливочным маслом, светился золотом. Пирожки и баурсаки, сухофрукты, конфеты и печенье появлялись на столе как будто сами собой.

Родственники и дальнебойщики – напарники Серикбая все приходили и приходили. В конце концов они заполонили собой весь дом. Чтобы всех усадить на полу, Аманбеке даже достала красивое вышитое покрывало – подарок матери. Она усмехнулась: в детстве Серикбай принимал золотые полумесяцы за следы от стаканов.

Так жизнь и оборвалась на дне стакана, мрачно подумала Аманбеке и представила тело брата, укутанное в саван и оставленное в склепе. Женщины по обычаю не поехали на кладбище, но Тулин сказал, что все мужчины удивились, какой большой и даже красивый получился склеп из ворованного кирпича. Там же он договорился, что утащит и продаст еще партию.

«Может, и выкрутимся, – думала Аманбеке. – Может, и не все так плохо. Наверняка в квартире припрятаны деньги. Только корову жалко».

– Аже, аже! – В комнату с криком влетели запыхавшиеся Рстушка и Жанока.

– Ну, чего вам? – устало спросила Аманбеке, мысленно подсчитывая свадебные и похоронные долги.

– Какая Айнагуль хорошая! Смотри, что она нам дала! – Младшая девчонка поднесла к лицу Аманбеке ладонку, та не глядя кивнула.

– Хорошая, хорошая, – согласилась Аманбеке. – Не то что вы, мухи.

Девчонки возбужденно хихикнули. Им было все равно, где носиться, на свадьбе или похоронах. Аманбеке шуганула сестер и посмотрела на сноху, как ей самой казалось, с добром.

Та будто и не спала после свадьбы: драила посуду, свою и набранную по знакомым, выбивала корпе, пекла традиционные семь лепешек для соседей и разделявала вместе с Тулином корову. Разве что перепачканные в крови халат и платок не успела постирать, бросила, поди, куда-нибудь в угол.

Как все-таки жалко Буренку!

Аманбеке снова прослезилась. Сидевшая рядом Марина сочувственно погладила ее по спине.

Прошло семь дней с похорон. Аманбеке, взяв с собой сына, приехала навестить могилу брата.

Тулин снова взял у Булата так и не починенный «жигуль». Пока они пробирались по валкой дороге сквозь клубы рыжей пыли, машина словно покрылась неотмываемой ржавчиной. Найти место упокоения Серикбая было несложно. Прямоугольный грубый склеп возвышался над соседними захоронениями как минимум на метр.

В мавзолее стояла сладковатая трупная вонь. Аманбеке стянула платок с головы и прикрыла им нос. Ей казалось, что вонь идет не от тела брата, а от пропитанных мяскокомбинатом кирпичных стен.

– Кирпич твой помечен злом, сын, – тихо сказала Аманбеке.

– С чего вдруг? Ты несколько месяцев назад хотела из него новый коровник построить. Тогда что-то ты не видела никакого зла, – ехидным и, как показалось Аманбеке, чужим голосом ответил Тулин.

– А ты не остри. Жену свою на место будешь ставить, а мать – не смей. – Аманбеке, поставив в угол истертый веник, которым заметала с пола мелкий мусор, вышла наружу подышать.

Чужие склепы были гораздо меньше последнего жилища Серикбая, но они были сделаны из нового

ровного белого и красного кирпича. Над некоторыми поблескивали золотом расписанные куполки.

Аманбеке было позавидовала, что кто-то лежит себе мертвый в такой роскоши и проблем не знает. Но тут же укорила себя за мысли о смерти. Когда речь шла о жизни и смерти, Аманбеке становилась суеверной. Даже на похоронах брата она отказалась петь песню-плач об усопшем, боясь привлечь внимание смерти к своей персоне.

– Вот кому-то делать нечего, тратит такие деньги, чтобы и на кладбище выпендриться, – произнес подошедший к матери Тулин.

– И то правда, – тепло ответила мать, прикинув, в какую копейку вышел бы самый скромный склеп, не будь у нее такого предприимчивого сына.

– А ты дверь заценила? – хвастливо сощурился Тулин.

– Дверь? – удивилась Аманбеке.

– Да ты глянь только, тоже с работы притащил. Красивая и прочная. А замок какой!

– Обычно не ставят двери...

– Ну, так это когда мертвого закапывают в землю. А когда на столах оставляют, дверь обязательно нужна, или ты хочешь, чтобы собаки растащили дядю по поселку?

– Ой, не нравится мне это все, сынок, – Аманбеке кивнула в сторону покойного брата на постаменте. – Он так и сказал: «Не закапывайте, а оставьте на этой... лавке»?

– Ну да, говорил: «Маратик придет за мной, а откопать не сможет».

– Ойбай, он совсем мозги пропил, а мы, как дураки, уши развесили.

– Ну, хочешь, закопаю его? – вяло спросил Тулин.

– Нет, балам, воля покойного! Раз так хотел, пусть так и будет. А замок зачем?

Аманбеке сделала глубокий вдох и снова вошла внутрь.

– Да бесхозный валялся, вот и прихватил для комплекта. Зато божь никакой не зайдет и не найдет. Труп никто не утащит, – в спину матери затараторил Тулин. – А если сам Серикбай, как Маратик, решит побродить по поселку с песнями, тоже пусть попробует через такую дверь просочиться. Хрен там!

– Так, а если Маратик отца не смог бы выкопать, разве смог бы с замком справиться? – прогундосила Аманбеке в зажатый нос.

Около каменного стола, на котором лежал запеленутый брат, Аманбеке увидела выцветшую пачку сигарет, которая выглядела так, будто ее саму похоронили много лет назад. Подумала, что кто-то из

мужиков выбросил без всякого уважения к покойному, и взглянула на мумию.

Тулин поймал взгляд матери и тоже уставился на подмокшее коричневое пятно на саване.

– Кажется, кое-кто уже посрал, – захихикал он.

Аманбеке строго зыркнула на сына.

– Ну что опять не так? Гассал при мне из него все выдавил, видать, запоздавшая порция. Говнистый все-таки был мужик.

Мать с сыном, прихватив мешочек с мусором, вышли из склепа. Тулин с трудом закрыл массивную дверь, процарапав на глине борозду, и вставил в скобы тяжелый, размером с гирию, ворованный замок. Ключ торжественно отдал матери.

Аманбеке спрятала его в карман старой жилетки, пристегнула засаленный атлас булавкой и ощутила неожиданное тепло от этого куска металла. Теперь она может делать все что угодно с квартирой брата, и никто ее не осудит. И то, что внутри квартиры, теперь тоже принадлежит ей.

– Сынок, а где ключи от квартиры?

– Щас. – Тулин повозился в узком кармане запачканных штанов и протянул матери связку ключей. – Что, прямо сейчас поедем?

– А кого ждать? Время не терпит. – Аманбеке двинулась в сторону машины, не оглядываясь на сына, который запихивал мешок с мусором в маленькую урну. – Там и помоемся.

Привычными движениями – два оборота вправо и поелозить на месте прежде, чем потянуть на себя, – Аманбеке открыла дверь квартиры Серикбая.

Сразу потянуло тошнотворно-сладким запахом смерти.

– А почему свет везде горит? – Аманбеке, не разуваясь, стала бродить по квартире, постукивая по пластиковым выключателям. – Это ведь нам теперь платить за электричество! Да и за воду, так что будешь мыться – не устраивай там заплывов.

– А я прям сейчас, мам, пойду, а то воняю... – Тулин поднял руку и затыкнулся в подмышку. – Будто сдохлых коров шкуру всю ночь спускал. Даже для меня перебор.

Аманбеке неодобрительно хмыкнула, но спорить не стала. Распахнула настежь окна и оглядела квартиру. С чего стоит начать поиски? В зале, как и много лет назад, у стены под часами с электрической кукушкой стоял сундук, из которого Наина однажды утащила пухлый конверт денег. Аманбеке сразу бросилась к нему, поскользнувшись на корпе. Еле устояв на тонких ногах с внушительными коленками, она схватилась за сердце и уставилась вниз.

На этом самом месте погиб Маратик! Или нет.

Аманбеке прищурилась. Одна корпе выделялась среди других еще белыми, не затертыми завитушками на алом велюре. Видимо, брат заменил корпе, на которой погиб сын. Она присела перед сундуком и в детском предвкушении подняла тяжелую крышку.

Первое, что попало под руку, – два куска красивейшего бархата. Ткань заманчиво поблескивала, пока Аманбеке, не веря своим глазам, обматывала находку вокруг все еще тонкой талии. Мысленно она решала загадку, откуда у Серикбая турецкий бархат. Все мало-мальски ценное она вынесла еще при Катьке. Неужели он баб в дом водил?

Только когда Аманбеке подошла к зеркалу, в надежде увидеть нечто похожее, что было на матери Айнагуль в день свадьбы, поняла, что ткань нещадно пожрала моль. Еще больше рассердившись, она скинула с себя бархат и набросилась на содержимое сундука. На грязный пол полетел ворох маленьких бюстгальтеров.

– Катькины, что ль? – спросила вслух Аманбеке и тут же сама себе ответила: – Хотя она же ребенком уехала... Точно водил баб.

Ей стало неприятно от этой мысли. Казалось, брат все это время жил прошлым и запивал горе, а получалось, он, в отличие от сестры, кутил на полную катушку. Еще противнее ей стало, когда из-под горы женского белья показалась та самая старая корпе с коричневыми следами детской крови.

– Ничего святого у мужика уже не было! – зло прошипела она.

Внутри свертка была одна черно-белая фотография кругленького Маратика, сделанная в фотосалоне в райцентре.

Аманбеке аккуратно вынула корпе и продолжила опустошать сундук, отправляя наружу потрепанные книжки в мягком переплете, с обложек которых безразлично глядел Иисус; жестяные банки с безделушками, вроде красивых пуговиц или камней яшмы.

В груди приятно задрожало, когда на самом дне она увидела пухлый бумажный конверт. Аманбеке прижала к животу находку, захлопнула сундук и уселась на его крышку. Медленно заглянула в конверт.

– Ну, чего, сколько денег нашла, мам? – Тулин вышел из ванной с повязанным на талии большим некогда радужным полотенцем и с глупым выражением лица ковырялся в ухе.

Аманбеке сверкнула потемневшими от злобы глазами и замотала головой. В конверте, кроме одной, как будто случайно затесавшейся купюры, лежали документы, квитанции и чеки.

– Нисколько! – взглянула на сына. – Не хочешь одеться?

– Да сейчас у дяди что-нибудь найду чистое. – Тулин почесал второе ухо и ушел в спальню.

Аманбеке запихнула все обратно и взялась за шкаф. Серикбай избавился от вещей Наины и детей, и теперь внутри висели телогрейка, в которой брат уходил в рейс, дубленка и кожаная куртка землистого цвета. Обшарила карманы – снова только мелочь.

Внизу стояли коробки из-под обуви, в одной хранились елочные игрушки, вторая служила аптечкой. Она пролистала дембельский альбом Серикбая, который пропах лекарствами, но и там записки не было. Только молодое лицо брата ухмылялось, будто злорадствуя над ее бедами, с картонных страниц альбома.

В спальне на удивление было полно вещей Маратика. Она сама помнила некоторые костюмчики, которые дарила ему на вырост. Аманбеке распотрошила постель Серикбая и в освободившийся пододьяльник стала закидывать вещи и игрушки для внука. Подумала, что сейчас правдивые песенки Маратика были бы очень кстати – рассказал бы, где деньги спрятаны.

